

Когда сознание всплыло из глубин океана, первое, что почувствовала Синь, — это ослепительный белый свет.

Она моргнула, и ее ресницы скользнули по внутренней поверхности какого-то прозрачного купола, издав тихое шуршание.

Поле зрения постепенно прояснилось, и она поняла, что лежит в цилиндрической капсуле для выращивания, а бледно-голубой питательный раствор уже слит, и на стенках остались лишь капли сконденсировавшегося влажного пара.

Затем она увидела лицо.

Это лицо находилось так близко, что Синь могла пересчитать ресницы незнакомки — розовые, похожие на самые нежные бутоны на ветках ранней весной.

Пара янтарных глаз пристально и беззвучно смотрела на нее, переполненная любопытством, восторгом и каким-то чувством, которому Синь пока не могла подобрать название.

— Проснулась, проснулась! Дань Хэн, Дань Хэн, она проснулась!

Обладательница этого лица радостно воскликнула и одновременно подняла зажатую в руке камеру.

Звук затвора громыхнул в замкнутом пространстве, подобно череде резких хлопков петарды.

Щелк. Щелк-щелк. Щелк-щелк-щелк...

— Погодите... — Синь инстинктивно подняла руку, и в этот самый момент прозрачная крышка капсулы отъехала в сторону.

Ее пальцы вределись в объектив камеры, та ахнула и откинулась назад, а розовые волосы описали в воздухе дугообразную траекторию.

Сильная рука протянулась сбоку и уверенно ухватила за воротник на затылке с розовыми волосами.

— Время пробуждения целевого объекта: 14:23.

Голос был низким и ровным, словно первый ледок на осеннем озере.

Синь повернула голову и увидела другого молодого человека, стоявшего у капсулы с каким-то

терминалом для записей в руке. Его взгляд хладнокровно метался между экраном и Синь.

У него были короткие темно-синие волосы с чуть завитушками на концах, а в бровях и взгляде таилось не по возрасту спокойствие.

— Колебания энергии Звездного ядра сопровождаются амплитудой в пределах ожидаемого, — продолжил он вести записи. — Жизненные показатели стабильны, когнитивные функции требуют подтверждения. Рекомендую...

— Что рекомендуешь? — Синь оперлась о стенку капсулы и приподнялась, в горле у нее все еще чувствовался терпкий привкус питательного раствора.

Она опустила взгляд на свои руки — бледные, изящные, на фалангах пальцев виднелся тонкий слой мозолей, похожий на те, что остаются от долгого удержания какого-то инструмента.

Но она не могла вспомнить, что именно держала.

— Рекомендую Март 7 убрать камеру. — Взгляд Дань Хэна наконец оторвался от терминала и переместился на девушку с розовыми волосами, висевшую у него в воздухе. — Ты загораживаешь путь для эвакуации.

— Какой еще путь для эвакуации, здесь же вообще... — Март 7 с трудом опустилась на пол, продолжая мертвой хваткой сжимать камеру в руке. — Это же исторический момент! Пробуждение носителя Звездного ядра! Я, как главный летописец Звездного экспресса, обязана...

— Ты сама себя назначила.

— Всё равно летописец!

Синь смотрела, как они переругиваются, а ее мозг медленно обрабатывал информацию. Носитель Звездного ядра.

Звездный экспресс, капсула для выращивания.

Эти слова казались разбросанными кусочками пазла, и она попыталась сложить их воедино, но обнаружила, что самая важная деталь отсутствует.

— Кто я?

Как только эти слова слетели с губ, пространство вокруг капсулы погрузилось в странное

молчание.

Камера Март 7 зависла в воздухе, экран терминала Дань Хэна все еще светился, но пальцы прекратили ввод данных.

Они переглянулись, а затем одновременно уставились на Синь.

— ...Амнезия? — с опаской спросила Март 7.

— Похоже на то. — Синь потрогала затылок, где обнаружился небольшой гладкий шрам. — Вы меня знаете?

— Нет, — покачал головой Дань Хэн. — Обнаружили тебя в капсуле три часа назад. Госпожа Хэйта сказала, что ты — носитель Звездного ядра, и велела нам забрать тебя.

— Госпожа Хэйта?

— Истинная хозяйка космической станции, член Общества гениев под номером 83. — В голосе Дань Хэна промелькнула едва уловимая нотка. — Ты ей интересна, но в ее словаре слово интерес обычно означает экспериментальную ценность.

Синь переваривала эту информацию, и ее взгляд упал на Март 7.

Девушка с розовыми волосами покусывала губу, а камера раскачивалась у нее на груди, украшенная брелоком в виде миниатюрной бейсбольной биты — серебряной, размером с большой палец, но с проработанной текстурой рукояти и вмятиной от удара в зоне отбивания.

— Твой брелок... — Синь машинально потянулась к собственному карману.

Кончики пальцев коснулись чего-то знакомого по форме.

Она замерла и медленно вытащила эту вещь наружу.

Это была бейсбольная бита, самая настоящая бейсбольная бита длиной примерно с предплечье, целиком серебристо-серая, с нежной матовой текстурой на поверхности.

На теле биты не было никаких украшений, но на рукояти красовался круговой узор из естественных темных линий, похожий на годовичные кольца дерева или какой-то древний тотем.

— Это... — Синь уставилась на нее, в голове царил абсолютная пустота. Она не знала эту битку, но ее пальцы сами собой нашли наиболее удобное положение для хвата, словно это движение

повторялось уже тысячи и тысячи раз.

— Ого! — Восклицание Март 7 прервало ее мысли. — У тебя в кармане спрятано оружие?!

— Я не знаю, откуда оно взялось, — честно ответила Синь.

— Потеряла память, но при этом пришла со снаряжением, это же чистой воды читерство! — Март 7 подскочила ближе, едва не ткнув камеру в нос Синь. — Дай мне сфотографировать! Хотя бы разок! Композиция просто супер: сероволосая девушка держит таинственную битку, а на заднем фоне — капсула с космическим дизайном...

— Март 7, — раздался голос Дань Хэна рядом с коммуникатором, он уже подключился к какому-то каналу. — Пам-Пам торопит.

Из коммуникатора донесся детский, но влажный и строгий голос с забавным акнотом:

— Поезд отправляется через три часа, попросите испытателей как можно скорее завершить процедуру передачи, па! Нельзя устраивать беспорядки на космической станции, нельзя портить экспериментальное оборудование, и особенно нельзя...

— Особенно нельзя что? — машинально переспросила Синь.

— Особенно нельзя заводить странные отношения с незнакомцами, па! — Голос на мгновение замолк. — Из-за этого прошлый пассажир доставил Экспрессу кучу хлопот!

Синь и Март 7 переглянулись.

— Прошлый пассажир? — переспросила Синь.

— Уже уволен, — бесстрастно оборвал связь Дань Хэн. — Конкретные причины относятся к секретам Экспресса. В общем, нам нужно завершить твою процедуру приема до отправления поезда.

Он протянул аккуратно сложенную одежду: темно-серую верхнюю одежду, белую рубашку под ней и пару шорт, которые казались очень удобными для активных движений.

Синь взяла одежду и заметила на левой груди куртки крошечный вышитый логотип: узор паровоза, проносающегося сквозь звездное кольцо.

— Форма команды Экспресса? — спросила она.

— Временный вариант. — Дань Хэн повернулся и направился к двери капсулы. — Март 7, дай ей десять минут на переодевание. Я жду вас в конце коридора.

Дверь капсулы скользнула и закрылась, оставив Синь и Март 7 наедине.

Девушка с розовыми волосами тут же вернула себе всю энергию, и камера снова взмыла вверх:

— Давай-давай-давай, пока Дань Хэна нет, давай устроим официальное знакомство! Я Март 7, холоднолицый розовый дракончик Звездного экспресса — хотя это прозвище придумал Дань Хэн, я совершенно с ним не согласна — а ты?

— Я... — Синь приоткрыла рот и обнаружила, что действительно не может вспомнить никакого имени.

Она опустила взгляд на бейсбольную биту в своей руке, и та излучала мягкое серебристое сияние в остатках света капсулы.

— Я тоже потеряла память, — произнесла она в конце концов.

— ...А?

— Я говорю, — Синь подняла голову, встречаясь взглядом с широко распахнутыми глазами Март 7, — я тоже потеряла память. Не знаю своего имени, не знаю своего происхождения, не знаю, откуда взялась эта бита.

Они смотрели друг на друга в течение трех секунд.

Затем Март 7 разразилась хохотом, согнувшись пополам, а камера на ее груди затряслась:

— Да ладно! Какое невероятное совпадение! Ты потеряла память? Как удачно, я тоже!

— ...Ты тоже потеряла память?

— Ага! — Март 7 выпрямилась и энергично кивнула, а кончики ее розовых волос скользнули по плечам. — Меня нашли в куске дрейфующего вечного льда, я ничегошеньки не помню, даже имя мне дали члены Звездного экспресса! Март 7, потому что меня разбудили седьмого марта!

Синь моргнула.

В воздухе распространилось странное чувство синхронности.

Два человека с амнезией: одна очнулась ото льда, другая выбралась из капсулы.

Одна с камерой, другая с битой.

Одна розовая, как весна, другая серая, как сумерки.

— Значит, мы одинаковые? — спросила Синь.

— Совершенно одинаковые! — Март 7 восторженно схватила ее за руку, и тепло ладони передалось через кожу. — Мы — союз амнезиаков! Впредь я буду прикрывать тебя! Хотя у меня тоже нет никаких воспоминаний, я проснулась на несколько месяцев раньше тебя, так что я старшая!

Синь опустила взгляд на их переплетенные руки. Ногти Март 7 были аккуратно подстрижены, а на суставах пальцев виднелись тонкие мозоли от многолетнего нажатия на кнопку затвора.

Это ощущение было одновременно незнакомым и близким, словно обрывок забытого сна.

— Старшая, — осторожно начала она, — а твоя камера... почему у нее на брелоке бейсбольная бита?

Март 7 на мгновение опешила и опустила взгляд на брелок у себя на груди.

Миниатюрная бейсбольная бита ярко блестела в свете ламп.

— Эта штука? Понятия не имею, — она склонила голову набок. — Она висела на камере с самого моего пробуждения. Я предполагаю... может быть, раньше я любила бейсбол?

— У меня тоже есть бита. — Синь подняла вещественное доказательство.

Они снова посмотрели друг на друга, и на этот раз в воздухе повисла какая-то неопишуемая атмосфера.

Глаза Март 7 постепенно засияли, словно в них осыпались звезды.

— Это точно судьба! — объявила она. — Узлы бейсбольной биты! Направление Вселенной! Может быть, мы были знакомы раньше, мы же потерявшиеся на долгие годы...

— Сестры?

— Боевые товарищи!

— ...А в чем разница?

— Сестры — это кровные узы, а боевые товарищи — резонанс душ! — Март 7 замахала камерой. — В общем, с сегодняшнего дня ты — мой личный... эм, кем бы тебя назначить...

— Подопытным образцом? — предложила Синь.

— Партнером! Моим партнером! — обиженно поправила Март 7, а затем внезапно приблизилась настолько близко, что Синь смогла почувствовать легкий аромат клубники от ее волос. — Кстати, у тебя ведь до сих пор нет имени. Нельзя же все время звать тебя «Эй» или «Та сероволосая».

Синь замолчала.

Имя.

Личность.

Прошлое.

Все то, что должно было принадлежать ей, теперь ускользало сквозь пальцы, словно песок — чем сильнее сжимаешь кулак, тем быстрее оно исчезает.

Она опустила взгляд на бейсбольную биту: темные узоры на ее теле под определенным углом смутно напоминали букву...

— Синь, — сорвалось у нее с губ.

— М?

— Зови меня Синь, — она подняла голову и впервые с момента пробуждения одарила Март 7 улыбкой. — Раз я ничего не помню, то по крайней мере я могу смотреть на звезды.

Март 7 на мгновение замерла, и в этот момент снова раздался звук затвора.

Щелк.

— Идеально! — Март 7 опустила голову, разглядывая экран камеры. — Это выражение лица

просто супер! Меланхолия вперемешку с надеждой, растерянность, в которой кроется твердость — поставлю на заставку!

— ...Сколько кадров ты уже сделала?

— С момента пробуждения до сего момента? Наверное... — Март 7 потыкала пальцем в экран, подсчитывая. — Сто двадцать семь?

— ...

— Не бойся, я заплачу тебе гонорар за авторские права! — Март 7 хлопнула себя по груди. — Обменяю на свои заветные эксклюзивные воспоминания Март 7!

Синь приоткрыла рот, но не успела ничего ответить, как в конце коридора посчастливилось раздаться покашливанию Дань Хэна — нарочито громкому, с предостерегающим оттенком.

— Десять минут прошло, па, — его голос донесся через дверь капсулы. — Если мы не пойдем, экспресс-мастер лично придет нас вылавливать.

Март 7 показала язык и потянула Синь за руку к двери:

— Быстро-быстро-быстро! Нельзя заставлять Пам-Пам ждать слишком долго! Этот малыш ужасно страшен, когда злится...

— Малыш?

— Сама увидишь, когда встретишься!

Дверь капсулы отъехала в сторону, и внутрь хлынул свет из коридора.

Синь побежала вперед, увлекаемая Март 7, а бейсбольная бита в ее руке слегка нагрелась, словно в ней пробуждалась какая-то спящая сила.

Она бросила прощальный взгляд на камеру: бледно-голубая лужица оставшейся жидкости скопилась на дне, отражая свет потолка подобно миниатюрному звездному небу.

Какое-то предчувствие подсказывало ей, что это только начало.

Впереди ждал поезд, звездное небо и бесчисленные неизведанные миры.

А прямо сейчас ее за запястье тащила потерявшая память девушка с розовыми волосами, спотыкаясь в металлическом коридоре, а брелок камеры чертил в воздухе серебряные дуги — миниатюрная бейсбольная бита перекликалась с настоящей, зажатой в ее собственной руке.

— Эй, Март 7.

— М?

— У тебя на камере... правда сто двадцать семь моих фотографий?

— Теперь уже сто двадцать восемь! — Март 7 подняла камеру, не оборачиваясь. — Щелк. Эту я назову «Переплетение серого и розового», ну как?

Синь посмотрела на свое запечатленное на экране лицо — растерянное, озадаченное, но при этом странным образом полное предвкушения.

— ...Никак.

— Врешь! Ты же улыбаешься!

— Это от того, что бежала слишком быстро и запыхалась.

— Именно улыбаешься!

В конце коридора чернел силуэт Дань Хэна, стоявшего против света.

Он наблюдал, как две девочки сбегаются, шумно препираясь, а на экране его терминала все еще светилась неоконченная запись:

«Целевой объект: Синь. Статус: Пробуждена, названа, ...»

Он на мгновение замер, стер последние символы и заново ввёл:

«Вызвала непредсказуемые переменные. Рекомендуются команде Экспресса повысить уровень тревоги».

Затем он подумал немного, стер и это, заменив на:

«Рекомендуется Март 7 приобрести чип памяти большей емкости».

За секунду до того, как экран терминала погас, слабый сигнал с коммуникационного канала Экспресса моргнул.

Это была не частота Пам-Пам и не какой-либо из известных каналов.

Череда символов, похожих на абракадабру, промелькнула в углу, словно некий зритель, притаившийся в тени, с интересом наблюдал за происходящим.

Но никто этого не заметил.

Все внимание Синь было приковано к экрану камеры, который Март 7 поднесла прямо к ее лицу, и к победоносной улыбке розоволосой девушки.

— Смотри! Эта получилась суперчеткой! Каждая твоя ресница видна!

— ...Удали.

— Ни за что!

— Удали.

— Это искусство! Ты понимаешь что-нибудь в искусстве?!

— Искусству не нужен крупный план моих ноздрей.

— Это эффект игры света и тени!

Дань Хэн вздохнул и повернулся в сторону зоны посадки.

Позади в коридоре эхом разносились голоса спорящих амнезиаков, похожие на фальшивую, но радостную песню.

Какая-то невидимая нить плела свои узоры, хотя в этот момент никто не мог разглядеть ее очертаний.

Поезд отправлялся через два часа сорок семь минут.

А история Синь только-только начиналась.

<http://bllate.org/book/19707/1938003>